

За окном иллюминатора разыгралась метель, но посадку, к счастью, объявили вовремя.

Лайнер стоял на дальней стоянке, так что после перронного автобуса пассажирам предстояло преодолеть ещё метров пятнадцать пешком сквозь ледяную круговерть. Чи Цинтай дождался, пока салон опустеет, сошёл на заснеженный бетон последним и в одиночестве направился к трапу.

Снаружи бушевал колючий ветер. Земля уже успела подёрнуться тонкой глазурью льда. Придерживая одной рукой портфель, Цинтай шёл сквозь вьюгу, а кончик его носа стремительно краснел от мороза.

У входа в салон бизнес-класса сгрудились люди, образовав небольшой затор. Чи Цинтай замедлил шаг и остановился у подножия лестницы. Две стюардессы, дежурившие у дверей, заботливо просили всех смотреть под ноги.

Очередь медленно двинулась вверх. Цинтай уже приготовился шагнуть следом, как вдруг шедшая перед ним женщина поскользнулась и неловко завалилась набок.

— Осторожно!

От мысли о неизбежном физическом контакте Чи Цинтай мгновенно побледнел, но превозмог себя и вытянул руку, готовясь её подхватить.

Он мысленно зажмурился, ожидая худшего, однако попутчица чудом извернулась, избегая его пальцев, и сама удержала равновесие.

Они переглянулись, на секунду замерев. Разгадав её секундное замешательство, Цинтай молча опустил руку. Женщина неловко поблагодарила его и поспешила дальше под руку с мужем.

Чи Цинтай поднялся по ступеням и прошёл на своё место. В этом самолёте салон бизнес-класса не отличался уединением или особым комфортом, но Цинтай спешил вернуться в страну, поэтому выбирать не приходилось. Попросив у стюардессы стакан апельсинового сока, он сразу открыл ноутбук и погрузился в работу.

Вскоре его кто-то окликнул.

Повернув голову, он обнаружил, что его соседом за невысокой пластиковой перегородкой оказался тот самый навязчивый незнакомец из аэропорта.

Чи Цинтай равнодушно отвёл взгляд и молча надел наушники с активным шумоподавлением.

Сосед лишь безмолвно приоткрыл рот, уязвлённый таким приёмом.

Вскоре лайнер тяжело оторвался от заснеженной полосы и взмыл в небо. Цинтай захлопнул ноутбук, натянул маску для сна и попытался задремать.

В салоне было тепло и уютно, однако за бортом буря только разыгрывалась. Порывы яростного ветра толкали самолёт, заставляя его испуганно дрожать всем корпусом.

Резкие перепады высоты в сочетании с низким уровнем сахара в крови отозвались мучительным приступом тошноты. Желудок спазматически сжался. Чи Цинтай хотел попросить что-нибудь перекусить, но из-за сильной турбулентности экипаж получил приказ оставаться на местах — обслуживание временно прекратилось.

— Вас укачало? — снова подал голос сосед. — Нужна помощь? Позвать стюардессу?

— Не нужно, — сухо отрезал Цинтай и залпом осушил остатки апельсинового сока.

Ледяная влага обожгла горло и упала в пустой желудок, но облегчения это не принесло. Заметив его состояние, сосед внезапно потянулся рукой через разделительную перегородку. Не успели его пальцы коснуться плеча Цинтая, как тот наградил его таким ледяным взглядом, что рука мужчины застыла в воздухе.

— Ну чего вы сразу злитесь, я же просто волнуюсь... — пробормотал попутчик, явно замороженный этим колючим взглядом, но рисковать больше не посмел.

Чи Цинтай натянул плед до груди и вознамерился надеть наушники, чтобы провалиться в сон.

Но тут из-за прохода протянулась рука с небольшим пакетиком орехового ассорти.

Цинтай опустил взгляд на угощение, но не спешил его принимать.

— Возьмите, — негромко произнёс мужчина. Его глубокий, бархатистый голос звучал ровно и убедительно. — При гастрите и склонности к гипогликемии перерывы в еде опасны. Если вы упадёте в обморок, это может доставить немало хлопот экипажу и задержит рейс.

Этот голос показался Цинтаю знакомым. Оказалось, это был тот самый обладатель идеального черепа из аэропорта.

Он уже снял штормовку. Облегающий чёрный термотоп выгодно подчёркивал крепкое, тренированное телосложение. Из-за слегка растрёпанных прядей, упавших на лоб, его облик теперь казался мягче и теплее.

—... Спасибо, — Чи Цинтай принял пакет. Перспектива лишиться чувств прямо на борту его совершенно не прельщала.

Лайнер упрямо пробивался сквозь плотные облака, время от времени содрогаясь от мощных толчков.

Пристегнувшись ремнем безопасности, Цинтай принялся неторопливо разжёвывать орехи один за другим.

Он привычно выбирал сначала любимые, а когда те закончились, расстелил на столике салфетку, высыпал остатки и брезгливо уставился на горстку миндаля.

Есть его не хотелось. Сняв салфетку вместе с нелюбимыми орехами, он запихнул этот комок обратно в шуршащий пакетик.

— А вы разборчивы в еде, — заметил мужчина через проход.

Цинтай промолчал.

Отправив мусор в гигиенический пакет, он вновь опустил на глаза маску и постарался уснуть.

Спустя какое-то время самолёт наконец преодолел грозовой фронт и выровнялся в стратосфере. В салоне зажёгся мягкий свет, бортпроводники начали разносить обед. Орехи помогли — Цинтай почувствовал себя гораздо лучше. Он снова открыл ноутбук, намереваясь поработать.

Вдруг из хвостовой части донёсся пронзительный женский крик, а следом раздался глухой стук — кто-то упал.

Стюардесса, бросив тележку с едой, поспешила на шум, но её опередили. Мужчина, поделившийся орехами, мгновенно отстегнул ремень безопасности и бросился на помощь.

— Sir, are you okay?

— Господин, вы меня слышите?

Он быстро повторил вопрос на нескольких языках, но ответа не последовало. Поняв, что человек без сознания, незнакомец без промедления приступил к реанимации.

Рядом запричитала растерянная супруга пострадавшего. Запинаясь от ужаса, она принялась объяснять, что у мужа больное сердце, ещё при посадке он жаловался на сильную одышку и давящую боль в груди, а во время болтанки ему стало совсем худо, и вот он потерял сознание.

Чи Цинтай присмотрелся к женщине — это была та самая пассажирка, которая едва не упала

на лестнице у трапа. Похоже, у неё тоже...

Цинтай почувствовал укол беспокойства, но вокруг больного уже столпились люди. Тот мужчина в чёрном явно был врачом, стюардессы умело помогали ему, так что его собственное присутствие там было бы бессмысленным.

Чи Цинтай вернулся на своё место.

Однако вскоре в салоне вновь поднялась суматоха. Над головой зашипел динамик: бортпроводник взволнованным голосом сообщил, что у одной из пассажирок начался сильнейший приступ паники, и попросил откликнуться медиков, если таковые есть на борту.

Чи Цинтай мгновенно поднялся со своего места и поспешил в проход.

Стюардессы уже пытались оказать женщине помощь. Экипаж международных рейсов проходит строгую подготовку к подобным нештатным ситуациям, их действия были чёткими и правильными, но это не помогало. Состояние несчастной стремительно ухудшалось. Она уже не могла вымолвить ни слова, её тело содрогалось от крупной дрожи, а дыхание перешло в прерывистые, свистящие хрипы.

Единственный сертифицированный врач на борту в этот момент отчаянно боролся за жизнь её мужа, не прекращая непрямой массаж сердца прямо на полу между креслами.

Окружающие растерянно переглядывались, не зная, что предпринять. В этот момент сквозь общий гул отчётливо и властно прозвучал холодный, строгий голос:

— Не трогайте её. Отойдите.

— У этой женщины, скорее всего, гаптофобия. Пожалуйста, не прикасайтесь к ней.

— И расступитесь, освободите пространство. Ей нужен воздух.

Короткие, резкие команды заставили всех замереть.

Бортпроводники на миг замялись, решая, стоит ли следовать инструкциям случайного пассажира, не имеющего медицинского диплома. Но в этот момент женщина подняла на Цинтая полный благодарности и мольбы взор и сама сделала шаг навстречу ему, ища защиты.

Сомнений не осталось.

Стюардессы принялись поспешно разгонять любопытных, расчищая путь. Но проход в

самолёте был слишком узким, а зеваки то и дело норовили высунуться из кресел. Цинтай, наступив на горло собственным страхам, заслони́л женщину собой. Пытаясь увести её подальше от толпы, он то и дело задевал чужие плечи, руки, спины...

Каждое мимолётное касание отзывалось в его теле острой волной отвращения. Желудок спазматически сжимался, в сознании пульсировало единственное желание — сбежать, скрыться, отмыться.

Однако внешне он оставался безупречно спокоен. На его бледном, точёном лице не дрогнул ни один мускул. Он лишь раз за разом негромко спрашивал спутницу:

— Дышите глубже. Вам легче? Получается успокоиться?

Тем временем у рядов бизнес-класса стюардесса уже распаковывала автоматический дефибриллятор. Мужчина в чёрном быстро закрепил электроды на обнажённой груди пациента. Пока прибор анализировал ритм сердца, он на секунду поднял голову и проводил взглядом Чи Цинтая, уводящего задыхающуюся женщину.

Сквозь суету и спины людей он успел заметить лишь прямую, натянутую как струна спину и мертвенно-бледный профиль с плотно сжатыми губами.

Спустя пять минут по салону прокатился вздох облегчения, сменившийся аплодисментами: сердце пострадавшего удалось запустить. Пришедшая в себя женщина никак не могла перестать благодарить Цинтая.

Чи Цинтай лишь молча кивнул.

Когда напряжение схлынуло, места недавних прикосновений на его теле словно обожгло жидким огнём. Зуд и фантомное ощущение чужой кожи стали невыносимыми.

Заметив, как он резко побледнел, женщина встревожилась:

— С вами всё в порядке?

— Всё хорошо, — выдавил он из себя, слегка качнув головой. — Мне нужно ненадолго отойти.

Поняв всё без слов, она мягко отступила.

Чи Цинтай буквально сбежал в туалетную кабину. Щелчок замка принёс мгновенное, почти физическое облегчение. Здесь, в тесном замкнутом пространстве, он наконец-то был один. Никто не мог внезапно коснуться его, нарушить личные границы.

Он взглянул на своё отражение в зеркале, стянул перчатки и включил воду.

Мыло пенилось, вода текла, но ощущение грязи не исчезало. Он тёр ладони снова и снова. Смывал мыло, намыливал опять. Кожа на руках покраснела, начала саднить, но он не мог остановиться.

Головой он всё прекрасно понимал. Знал, что это абсурд. Понимал, что случайные касания в толпе неизбежны, и никто не желал ему зла.

Но разум пасовал перед инстинктивным, укоренившимся глубоко внутри отвращением.

Спустя ещё несколько минут бесцельного истязания Цинтай наконец выключил кран. Из зеркала на него смотрел бледный, измождённый человек с напряжёнными плечами — зверь, загнавший себя в угол.

Переждав ещё минут десять, он наконец глубоко вздохнул и открыл дверь, вновь натянув на себя привычную маску холодного, недостижимого господина Чи.

Настырный сосед, карауливший у прохода, оживился сразу же, стоило Цинтаю показаться в дверях.

Поначалу ледяная неприступность этого красавца его немного охладила, но сцена спасения встряхнула его с новой силой. Азарт завоевателя вспыхнул с новой силой.

Словно павлин, он принялся распускать хвост: хвастался связями, доходами, положением в обществе, абсолютно игнорируя глухую стену молчания со стороны собеседника.

Чи Цинтай закрыл глаза. Ему давно не было так паршиво.

В висках стучала кровь, к горлу подкатывала тошнота.

Ему начало казаться, что болтун в пылу монолога задел его плечом. От этой мысли места былых касаний снова начали зудеть и гореть.

Не в силах больше терпеть удушливый приступ тошноты, Цинтай резко поднялся и снова направился к туалетам.

Но навязчивый попутчик, потеряв остатки приличия, увязался следом и засыпал его комплиментами прямо через закрытую дверь:

— Слушай, ты просто невероятный! Стюардессы растерялись, а ты сразу сообразил, что

делать...

Даже это укрытие перестало быть безопасным.

Чи Цинтай стиснул кулаки до побелевших костяшек. Лоб покрылся холодной испариной.

«Нельзя раскисать. Только не здесь, не при всех».

Инвестиционная компания «Шаньшэн» не должна оказаться в центре скандала из-за того, что её представитель устроил истерику на борту. Чи Цинтай слишком дорожил своей репутацией, чтобы позволить себе подобную слабость перед десятками свидетелей.

Он сделал медленный, глубокий вдох и выдохнул, пытаясь отгородиться от внешнего мира.

У Цинтая был огромный опыт борьбы со своими приступами. Никто лучше него не умел подавлять панику волевым усилием.

Но сейчас привычные техники дали сбой.

Стоило ему немного унять дрожь, как из-за двери вновь доносился приторный голос соседа, швыряя его обратно в пучину удушья.

Его захлестнула глухая ярость.

В этот момент он готов был распахнуть дверь, швырнуть наглеца на пол и заставить его заткнуться силой.

Когда он уже держался за ручку, намереваясь воплотить эту дикую мысль в жизнь, снаружи раздался другой голос — низкий, ровный и до странного знакомый. Послышался короткий диалог, и буквально через полминуты за дверью воцарилась благословенная тишина.

Окаменевшие мышцы Цинтая начали медленно расслабляться. Он разжал пальцы, судорожно сжимавшие замок, растерянно прислушиваясь.

— Вам нужна помощь? — донеслось снаружи.

В этом голосе не было ни фальшивого заигрывания, ни наглости — лишь спокойное, профессиональное участие врача.

Перед глазами Цинтая мгновенно возник образ этого человека: широкоплечий силуэт, опустившийся на колени в проходе, чтобы вернуть к жизни умирающего.

Цинтай хотел ответить, что всё в порядке, но губы не повиновались, а из горла вырвался лишь невнятный хрип.

Хуже того, паника лишила его способности здраво мыслить. Холодная волна ужаса вновь поползла вверх от лодыжек, сковывая тело.

— Он ушёл. Вам больше ничего не угрожает, вы в безопасности, — негромко, но отчётливо произнёс мужчина за дверью.

Цинтай до боли вонзил ногти в ладони, но так и не смог заставить себя заговорить.

— Вы меня слышите? — голос незнакомца звучал мягко, непринуждённо, будто они случайно встретились на улице. — По пути сюда я столкнулся с женщиной, которой вы помогли. Она просила передать вам вот эту плюшевую дельфинью игрушку.

— Давайте посчитаем в обратном порядке от ста. Как только закончим, вы выйдете и заберёте дельфина. Идёт?

Не дожидаясь согласия, мужчина начал неторопливый отсчёт.

— Сто, девяносто девять, девяносто восемь... — Его голос лился размеренно. — Восемьдесят девять, восемьдесят восемь, восемьдесят семь... семьдесят девять... Отличные новости: благодаря мастерству пилота мы оставили чужой борт позади. Жаль, что вы заперлись в кабине и упускаете такое захватывающее зрелище.

Чи Цинтай почувствовал, как к горлу подкатывает усмешка от этой нелепости. Напряжение чудесным образом начало таять.

— Продолжим, — мужчина снаружи по-прежнему подпирал плечом стену. Цинтай услышал, как кто-то подошёл к двери, но незнакомец вежливо указал вошедшему на соседнюю кабинку, ни на секунду не прерывая ровного счёта: — Шестьдесят семь, шестьдесят шесть, шестьдесят пять...

У него действительно был красивый голос — бархатистый, низкий, лишённый суеты. В этой неторопливой интонации крылась невероятная сила, способная укротить любой шторм.

Шестьдесят четыре, шестьдесят три, шестьдесят два...

Цинтай мысленно повторял за ним цифры. Сами собой разжались онемевшие пальцы, дыхание выровнялось, а бешеный стук сердца сменился привычным, спокойным ритмом.

Его наконец отпустило.

— Пятьдесят пять, пятьдесят четыре, пятьдесят три... — доносилось из-за двери.

Цинтай не мешал ему. Прислонившись спиной к прохладному пластику, он просто слушал и мысленно шёл за этим голосом до самого конца.

— Три, два, один, ноль.

Последнее слово растаяло в воздухе. Никто не спешил нарушать тишину, воцарившуюся в узком тамбуре.

Чи Цинтай перевёл дух, чувствуя, как в груди разливается покой.

— Спасибо, — негромко произнёс он. — Всё прошло.

В ответ слышалось негромкое, согласное хмыканье.

Выждав полминуты, Цинтай потянул защёлку и приоткрыл дверь.

Возле кабины уже никого не было. Лишь над головой тускло светилось зелёное табло, а на изогнутой дверной ручке покачивался маленький плюшевый дельфин. Мягкий, приятный на ощупь, он забавно щурился и словно ободряюще улыбался своему новому владельцу.

<http://bllate.org/book/19574/1933813>